

Александр Дмитриевич Дуличенко (Тарту)

ПРОЦЕСС ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ В ПЕРЕСТРОЕЧНОЕ И ПОСЛЕПЕРЕСТРОЕЧНОЕ ВРЕМЯ¹

Язык чувствителен к бурным социальным событиям. Возникающие при этом языковые изменения непосредственным образом могут коррелировать с изменениями социальными. Социально-языковая корреляция показательна прежде всего для лексики, в частности, для определенных лексических парадигм, обслуживающих общество в тот или иной период его существования.

Под лексической парадигмой предлагается понимать совокупность лексем (по-другому — лексическое или лексико-словообразовательное гнездо, поле, группу), предназначенную для выражения предметов, отношений, свойств и т.д. какой-либо одной социальной сферы. Поскольку такие гнезда — поля — группы рассматриваются нами в диахронном плане, то факт обнаружения их сменяемости в связи с социальными изменениями дает основание называть их парадигмами (к тому же гнезда — поля — группы можно представить в виде "вертикального" списка, т.е. "столбиком", что уже самой формой напоминает также парадигматическое построение).

В этом смысле мы выделяем в русском языке XX столетия в ряде лексических парадигм дву- и трехкратную сменяемость. Совершенно очевидно, что далеко не все единицы лексической парадигмы могут быть подвержены смене (что-то сменяется, а что-то — остается). В целом процесс смены в одной и той же лекси-

¹ Текст доклада, прочитанного автором на кафедре славистики Упсальского университета 18 апреля 1994 года.

ческой парадигме можно представить таким образом: "собственно русизмы" (или "десоветизмы") → советизмы → постсоветизмы.

Советизмы сами по себе составляют лексическую парадигму в широком смысле слова. Мы бы расширили понятие советизмов за счет того, что включили бы сюда не только лексические обозначения, выражающие специфические признаки, свойства советского общества, но также и ту более или менее нейтральную лексику, которая интенсивно эксплуатировалась в период от послереволюционного 1917 года до перестроечных лет, т.е. до середины 80-х — начала 90-х гг. Советизмы работали на "советскость" и в целом создавали так наз. "дубовый язык" официального стиля доперестроечного времени.

Анализу советского официального "дубового языка" посвящено не так уж много работ: в отечественной русистике таковых практически нет на настоящее время, а в зарубежной одной из значительных является монография французского слависта, ныне профессора славистики Лозанского университета в Швейцарии, Патрика Серио, вышедшая в 1985 г. под названием "Анализ советского политического дискурса"². Коснемся здесь лишь некоторых аспектов этого лингвистического явления.

В 60-е гг. у советизмов появилась своя метафора — слова, рожденные Октябрем. Если говорить о лексикографической стороне "слов, рожденных Октябрем", то отражена в словарях оказалась лишь небольшая их часть — те, что наиболее полно отражали советскую идеологию и особенности советского образа жизни, "советскость". К большому сожалению, до сих пор осталось лексикографически не обработанным и не представленным огромное число неологизмов послереволюционного времени, особенно "однодневок", а

² P. Seriot, *Analyse du discours politique soviétique*, Paris 1985.

также таких, что использовались и были понятны практически всем носителям русского языка в течении нескольких лет, десятилетия-двух и более. Тысячи газет и журналов 20-30-х гг. и позднейшие издания практически не обработаны с лингвистической точки зрения (за небольшим исключением, и то по преимуществу по частным вопросам). А между тем эти слова и выражения, хранящиеся до сих пор в "темных подвалах" словаря русского языка, дали бы очень много для осознания нами потенциальных словообразовательных и лексико-семантических возможностей нашего языка. Взять хотя бы названия журналов 20-30-х гг., скажем, на религиозную — точнее — антирелигиозную, тему. Тоталитарная идеология того времени, направленная, в частности, на разрушение традиционной русской культуры и православия, была, с одной стороны, примитивна в выборе языковых средств, с другой — нередко проявляла моменты языковой изошренности. Кто из нас ныне дошел бы до мысли, что от существительного *религия* можно образовать другое существительное, скажем, со значением деятеля, лица? А в 20-30-е гг. издавались годами и имели огромную читательскую аудиторию журналы под названием "Антирелигиозник" (Москва, 1924—1941) — "научно-методический журнал, орган Центрального союза воинствующих безбожников СССР", "Блокнот агитатора-антирелигиозника" (Иваново, 1938—1939) и даже "Методическое письмо заочнику-антирелигиознику" (Москва, 1938—1941) и т.д.

Впрочем, такая же задача стоит в связи со словами, рожденными перестройкой. Уже сейчас "Словарь языка перестройки", если бы он составлялся, занял бы многие тома.

К сожалению, нет у нас по существу и словарей советской за-стандартизованной лексики и фразеологии периода застоя, т.е. до перестройки. Между тем, есть немало текстов-"гроздьев" — настолько они насыщены такой лексикой и фразеологией.

"Классическим" образцом в этом отношении может послужить стихотворение поэта Евгения Долматовского "Азбука", написанное, как кажется, не только под впечатлениями "громких свершений", но и с целью попасть "во все хрестоматии и антологии". Поэт для каждой буквы русского алфавита нашел свою советскую лексическую доминанту:

Да, мы зовемся коммунистами,
 И шепчет циник кривогубый,
 Что только азбучные истины
 Одни нам дороги и любы.
 Давно уж способами разными
 Испытывают нашу веру.
 Согласен! Азбука так азбука!
 И приведу ее к примеру:
Атака.
Братство!
Вдохновение.
Геройство.
Долг.
Единство.
Жажда.
Звезда.
Исканья.
 Есть значение
 В той азбуке для буквы каждой.
К — Коммунизм.
Л — Ленин, ленинцы.
М — это мир.
Н — это нежность.
О — знак Огня и Откровенности.
П — это наша принадлежность к великой партии.
Р — Равенство.
Свобода.
Труд.
 И **У**бежденность,
 Всегда нам **Ф**антазеры нравятся.
Характер.
Цельность.
Честь ведет нас.
 Есть **Ш**ирь,

И Щедрость,
 И Энергия,
 И Юность вечная в пути.
 А буква Я?
 Сто раз проверь ее,
 Пред тем, как вслух произнести.
 Ее выпячивать негоже нам,
 Как личное местоименье,
 Лишь только
 В Я,
 На Мы помноженном,
 Находит силу современник.
 В нелегких буднях и на праздники,
 Служа грядущему, как чуду,
 Такой придерживаюсь азбуки
 И до конца ей верен буду.³

Здесь, как мы видим, и боевая героиня (атака, героизм, звезда, огонь), и стержневые слова советской идеологии (коммунизм, Ленин, ленинцы, партия = КПСС), и лозунги общества (братство, единство, равенство, свобода, труд) и т.д. Здесь противопоставления я — мы в пользу последнего ... Ясно, что поэт (впрочем, как и другие поэты того времени) выполнял "социальный заказ".

Застандартизованность языка советского времени была обусловлена, имела свои причины — ее формировало однообразие идеологическое. Бесчисленный раз повторялись одни и те же слова-понятия в разных ситуациях, но всегда для одной цели — "решению" какой-либо задачи, поставленной КПСС перед обществом. Показательными являются в плане выделения лексических доминант времени эксцерпции слов, включенных в названия периодических изданий (прежде всего газет), издававшихся начиная с 1917 года. Так, в стране выходило 27 газет под названием "Авангард", около 75 — типа "Большевик", "Большевистский ..." и под., около 300 типа "Коммуна", "Коммунар", "Коммунизм", "Коммунист", "Коммунист-

³ Из: Книжное обозрение, 1976:9, стр. 8.

тический/-ое/-ая (заря, борьба, молодежь, мысль, правда, призыв, путь, темп, труд, знамя, завтра, слово, строительство и т.д.)", более 800 названий с основой *красн-* и *под*. Десятками и сотнями насчитывались газеты, содержавшие в названиях своих лозунгово-призывные слова типа: *борьба, вперед, завет, заря, знамя, путь, правда* и многие другие.⁴ Лексика названий периодических изданий, конечно, менялась, однако, как правило, лишь в русле того же идеологического направления. Тома, содержащие многие сотни страниц с перечислением названий периодических изданий, можно было бы лексикографически обработать, однако в результате мы бы получили весьма скромный по количеству и объему словарь-словник — вероятно, не более нескольких десятков слов, притом процентов на 90 носящих отчетливо однообразный идеологический характер.

Подобной стандартной лексикой буквально нашпигованы тексты доперестроечного времени — в большей мере официальные, несколько в меньшей — публицистические (здесь все зависит от содержания текста). Вот типичный образец такого текста:

Более ста наций и народностей нашей великой Родины объединены, живут и георически трудятся в едином СССР. Советских людей, независимо от их национальной принадлежности, сплачивает в единую родную семью общность классовых интересов, общая идеология — марксизм-ленинизм, одна великая цель — строительство коммунистического общества. Нерушимая дружба, братское сотрудничество народов СССР, расцвет их экономики, культуры — это результат мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии, ее неустанной работы по воспитанию наших людей в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма ...

⁴ *Газеты СССР. 1917–1960. Библиографический справочник. Том 2.* — Москва, 1976.

Из текста легко вычленяется субстантивная лексическая парадигма ("столбик") и оценивающие ее компоненты — в основном это прилагательные, поэтому правый "столбик", правую сторону мы назовем адъективной парадигмой. Срав.:

нации, народности	↪ объединенные (объединены)
живут, трудятся	↪ героически
Родина	↪ великая
СССР	↪ единый
семья (советских людей)	↪ единая, родная
люди	↪ советские
интересы	↪ классовые
идеология	↪ общая
	↪ марксизм-ленинизм
цель	↪ великая
	↪ строительство коммунистического общества
дружба	↪ нерушимая
сотрудничество	↪ братское
	↪ народов СССР
экономика	↪ цветущая (расцвет)
культура	↪ цветущая (расцвет)
политика	↪ ленинская национальная
работа	↪ неустанная
	↪ Коммунистической партии по воспитанию людей
патриотизм	↪ советский
интернационализм	↪ социалистический

Абстрактные субстантивные доминанты сами по себе стилистически нейтральны, срав. *интересы, цель, экономика, работа* ..., за исключением *СССР, Родина*. "Советизируются" же они

посредством адъективных слов оценочного характера — великий, единый, объединенный, общий, нерушимый, братский, неустанный, национальный (хотя и здесь находим маркированные адъективы типа ленинский, классовый).

Проведенное нами моделирование лексического состава типичного образчика застандартизованного стиля советского времени ("дубового языка") показывает, насколько здесь беден словарь, как при этом крепка и постоянна "привязка" прилагательных к определяемым ими существительным. Впрочем, поскольку речь идет о более или менее устоявшемся составе существительных, то можно говорить, что внутри этого состава (а не вне его) "привязка" почти свободно варьирует, — "своя, как рыба в воде". Это выявляется например, методом субституции соответствующих прилагательных срав.:

нации и народности	↪ [объединенные], советские, социалистические, братские
Родина	↪ великая, единая, общая, [цветущая], советская, социалистическая
СССР	↪ единый, [объединенный], великий (= родная страна), нерушимый [цветущий]
семья	↪ единая, родная, объединенная, великая, общая, нерушимая, братская, [цветущая], ленинская, национальная, советская, социалистическая
интересы	↪ классовые, единые, общие, [национальные — узуально невозможное ту пору]
идеология	↪ общая, великая, единая, классовая

цель	вая, [нерушимая], ленинская, советская, социалистическая ↪ великая, единая, (классовая), общая
дружба	↪ братская, нерушимая, великая, ленинская
сотрудничество	↪ братское, (великое), классовое, (нерушимое)
экономика	↪ цветущая, единая, общая, советская, социалистическая
культура	↪ [цветущая], великая, единая, классовая, общая, братская, национальная, советская, социалистическая
работа	↪ неустанная, общая, (великая)
интернационализм	↪ социалистический, классовый, братский, ленинский, советский

Предложенный здесь метод моделирования с вычленением из текста лексических доминант различной частеречной принадлежности, показом их почти свободной сочетаемости друг с другом может быть, вероятно, применен по отношению к любому тексту, исполненному "общесоюзным косноязычием".

Многие десятилетия советизмы были "гордостью" в языке (по крайней мере, их таковыми старались делать): когда говорили об обновлении или пополнении русского языка новыми словами, с этой лексической парадигмы непременно и начинали. Советским было практически все: *власть* (т.е. советская власть), государство (т.е. советское государство), республики, строй, правительство, конституция, армия, промышленность, студенчество, патриотизм, законность, метод (индустриализации страны) и т.д.), образ жизни

и под., советским был и народ, который считали "новой исторической, социальной и интернациональной общностью людей". Сейчас эта лексическая парадигма и понятия, ею выражаемые, отодвигаются на периферию современного активного политического словаря и активной социальной жизни. С развалом страны практически исчезают либо резко ограничивают свою активность некогда "первые слова" (и аббревиатуры) типа КПСС, СССР, обком, горком, райком, десятки сокращений с начальными усеченными компонентами парт-, ком-, сов- и др. Перестройка положила конец застандартизованному стилю и в целом "дубовому языку".

Показательным в этом смысле является процесс так наз. лексической десоветизации. Под лексической десоветизацией следует понимать устранение из обращения специфически советских слов и словосочетаний [вместо *председатель облисполкома = областного исполнительного комитета депутатов трудящихся* через стадию *глава (краевой, областной) администрации к губернатор*], в одних случаях при сохранении референта (как в приведенном выше примере), в других — без сохранения, как, например, *КПСС, обком = областной комитет КПСС* и под. В первом случае речь идет о смене языкового знака, во втором — о лишении ряда советизмов референтов, что означает для них, советизмов, прямую дорогу "на склад архаичной лексики языка".

У нас есть возможность проследить, как проходила лексическая десоветизация в языковом поведении "отца перестройки". С этой целью мы проанализировали предметный указатель семи томов "Избранных речей и статей" М. С. Горбачева (1987–1990). Тексты собрания представлены в хронологии, причем с точностью до месяца: т. 1 — 1967–1983, т. 2 — 1984–X.1985, т. 3 — X.1985–VII.1986, т. 4 — VII.1986–IV.1987, т. 5 — IV–XII.1987, т. 6 — I–X.1988, т. 7 — X.1988–VI.1989. То есть тексты по времени их создания подходят

кульминации перестройки.

Сразу же отметим, что процесс лексической десоветизации здесь лишь только намечен, советизмы подверглись некоторому "смягчению", но в то же время отдельные из них уже игнорировались — и об этом наш материал.

До 1989 г. (в ряде случаев и позднее) М. С. Горбачев последовательно и усердно "эксплуатировал" доминанты (лексику и выражения) официального советско-партийного языка, родившегося и сформировавшегося задолго до перестройки:

аграрная политика коммунистов, аграрная политика КПСС, активность и инициатива масс, Великая Октябрьская социалистическая революция, героизм трудовой (советского народа в строительстве социализма и коммунизма), демократический централизм, демократия социалистическая, интеллигенция советская, КПСС = Коммунистическая партия Советского Союза, культура социалистическая, Ленин и ленинизм, ленинский стиль (партийной и государственной работы), марксизм-ленинизм (творческое развитие КПСС, коммунистическими партиями марксистско-ленинской теории), международное коммунистическое и рабочее движение, народное хозяйство СССР, национальная политика КПСС, планы (их выполнение), планирование народного хозяйства (СССР), политическая система советского общества, права и обязанности (граждан СССР), продовольственная программа СССР (ее реализация) [— с 1988 г. все чаще трансформируется в *продовольственная проблема в СССР* (чем как бы намекается на ее неразрешимость, по крайней мере, в ближайшей перспективе)], пропаганда (коммунистическая, повышение ее эффективности, буржуазная, борьба с ней) [— примерно с 1988 г. сужается до *пропаганды буржуазной*], собственность социалистическая, советский народ [до начала перестройки с добавлением: *новая историческая общность*], социализм (его преимущества), социальная политика КПСС [и целый ряд других в таком же духе].

Это базовые политико-идеологические термины-понятия, формирующие суть советской системы, ее "советскость". К ним следовало бы добавить также ряд терминов и терминосочетаний, которые можно охарактеризовать, как "сквозные", поскольку они "годны"

для всех времен (в нашем случае они могут дополнительно маркироваться выражениями типа *борьба с ним/ними, повышение, распространение* — см об этом ниже):

антисоциальные явления (борьба с ними), бесхозяйственность, расточительство (борьба с ними), бюрократизм (борьба с ним), кадры (подбор, расстановка), консерватизм (борьба с ним), контроль (разный), критика и самокритика, мир (борьба за мир), научно-технический прогресс, научно-техническая революция, опыт (передовой, его распространение), ответственность и дисциплина (их повышение), производительность труда, сотрудничество международное, социальная справедливость (— принцип социализма), техническое перевооружение производства, хозяйственный механизм (его преимущества), социальная политика КПСС [и целый ряд других в таком же духе].

Показательны термины-понятия, возникшие задолго или накануне перестройки (а то и в ее первые годы) и продержавшиеся в качестве ключевых недолго: *бригадный подряд → коллективный подряд → прогрессивные формы организации и стимулирования труда* (до 1987 г.), *подсобное хозяйство предприятий, организаций* (до 1985 г.), *экстенсивное развитие экономики, сельскохозяйственного производства* (до 1987 г.) и под. Ряд ключевых понятий советского идеологического языка практически был лишен своего "официального статуса" уже в начале перестройки, срав.: *идеологическая борьба, инициативность в труде, социалистическая предприимчивость, показатели экономические, советское социалистическое общенародное государство, традиции революционные, боевые, трудовые* и др. (некоторые из них активно "эксплуатировались" лишь первые год-два перестройки).

Более показательна другая группа терминов-советизмов, которые "отец перестройки" постепенно "вымывал" из своего репертуара, стремясь, видимо, идти в ногу с временем. С 1988 — 1989 гг. М.С. Горбачев уже не акцентирует так энергично (как он делал

раньше) такие политико-идеологические доминанты, как:

благополучие советского народа; воспитание трудовое, идейно-политическое, нравственное; империализм, интеграция экономическая социалистическая, интенсификация общественного производства; интернационализм пролетарский, социалистический; качество продукции (борьба за его повышение), коллективы трудовые..., мировая социалистическая система; образ жизни советский, социалистический; патриотизм социалистический, резервы производства, содружество социалистических государств, соревнование социалистическое и под.

Даже на этом фоне самая главная здесь "потеря" связана с терминами коммунизм, коммунистическое общество и строительство, которые в последнем, седьмом, томе "Избранных речей и статей" (1988 — 1989 гг.) просто отсутствуют в предметном указателе! Дисциплина социалистическая переросла просто в дисциплину, а затем отослана к ответственность и дисциплина, их повышение.

Примерно с 1986 г. в ранг ключевых (в целом их можно назвать перестроечными) попадают такие термины-понятия, как: индивидуальная трудовая деятельность, кооперативная форма деятельности (позднее трансформирована в кооперация, кооперативный сектор), права человека, предприятия (объединения) — расширение самостоятельности, самокупаемость, самофинансирование и под. примеры позитивного функционально-семантического ряда, ср. с отрицательным рядом: администрирование, административно-командная система, консерватизм, консервативные силы перестройки (борьба с ними), механизм торможения (перестройки и т.д.) и под.

С 1987—1988 гг. ключевых терминов-понятий прибывает:

госзаказ; пропаганда, ее применение; арендные отношения, единый народнохозяйственный комплекс, избирательная система, ее совершенствование, инвестиция, инвестиционный процесс, международ-

ные отношения, их демократизация, межнациональные отношения, их гармонизация, новое мышление, новый международный экономический порядок, подряд [теперь уже!] коллективный, семейный, арендный.

До того возникли также:

суверенитет государственный, технология прогрессивная, ускорение социально-экономического развития (советского общества), достижение качественного состояния, экономические методы хозяйствования, экономия и бережливость, эксперименты экономические и под.

(Правда, они затем исчезли из активного употребления, за исключением, может быть, выражения *суверенитет государственный*.)

Таким образом, десоветизация языкового поведения "отца перестройки", коррелирующая с поведением социальным, проявилась в следующем:

1) в нарушении сложившейся лексико-понятийной иерархии посредством выведения некоторых слов-понятий и выражений-понятий с уровня ключевых, срав. коммунистическое общество и коммунизм, советское социалистическое общенародное государство, социалистическое соревнование и др.,

2) в устранении оценочных характеристик в виде прилагательных, постоянно сочетающихся с существительными-понятиями и придающих им "советскость": социалистическая дисциплина → дисциплина,

3) во внедрении новых для перестройки слов-понятий и выражений-понятий, ранее лишь декларировавшихся: государственный суверенитет (республик), права человека, индивидуальная трудовая деятельность и ряд других.

В дальнейшем (с 1989 г. и позднее) названные тенденции активизи-

зировались в направлении деидеологизации языка советской политической системы.

Особенно наглядно это проявилось в набравшем к этому времени движении московских демократов, одной из задач которых было устранение от власти старого партийного аппарата, олицетворявшего советскую социально-политическую систему. Показателем в этом отношении "манифест" демократов под названием "Перспективы и реалии. О стратегии и тактике демократических сил на современном этапе", составленный одним из "отцов московской демократии" Г. Х. Поповым и опубликованный в журнале "Огонек" (1990:50, 6–8; 51, 7–9). Его лексическое наполнение заслуживает того, чтобы понять, что процесс социальной и языковой десоветизации начался стремительно и по всем направлениям.

В отличие от "отца перестройки", без устали твердившего о социалистической демократии, социалистической дисциплине, об образе жизни — советском, о социалистическом соревновании, социализме и его преимуществах, советском социалистическом общенародном государстве и под., "отец московской демократии" практически не приемлет этих понятий и их терминологического оформления. В "манифесте" он собирает и тем самым как бы проводит "узуальную кодификацию" всех появившихся к этому времени видов социализма, до того бывшего единственным, универсальным "для всех времен и народов", а потому выступавшего без каких бы то ни было адъективов. "Разблокировка" левой, определяющей стороны слова-понятия социализм — важнейшее приобретение перестройки (однако заслуга в "разблокировке" принадлежит всем движениям, которые так или иначе противопоставляли себя КПСС). Срав. примеры из "манифеста": административный социализм, государственно-бюрократический и отдельно — государственный, бюрократический и даже преждевременный социализм, сюда же

следует отнести и синонимичные выражения типа *старое общество, прежний строй, ненавидимое и тупиковое общество, неэффективная система (социализма), советский государственно-социалистический эксперимент, однопартийная диктатура, административная система*. Семантика адъективов здесь имеет очевидный негативный заряд, а если поставить в один ряд оформляемые ими имена существительные *строй, общество, система, эксперимент, диктатура*, имея в виду, что обращены они к одному и тому же референту, то становится ясным, какой смысл вкладывается и в них, — срав. импульсивный в этом плане характер существительного *диктатура*. Впрочем, негативное отношение к системе выражается также и дополнительными средствами — в виде существительных с негативной семантикой типа: *неэффективность → советской системы, неприемлемость → советской системы, неэффективность → советского механизма* и под. Показательно также то, что с этим строем связывается кризис, все его виды — *кризис государственной системы, национальный кризис, экономический кризис, хлебный кризис, наличие теневой экономики*, сами *аппаратчики* поставлены в один ряд с антисоциальными субъектами либо предстают как тождественные им, срав.: *нынешние аппаратчики, нынешние теневики, нынешние монстры (экономики)*, а также *новоявленные бизнесмены (из обкомов и райкомов), небольшевистские наследники (ленинизма)* и т.д.

Через весь "манифест" проходит черта: все то, что оказывается за пределами планируемого демократического порядка, — это *аппарат*, своего рода обобщенный термин-понятие для всей советской традиционной системы. Это существительное и производное от него прилагательное повторяются в тексте множество раз: *аппарат КПСС, аппарат профсоюзов, аппарат комсомола, просто аппарат, аппаратная перестройка, аппаратный курс* и под. В "манифесте" можно вскрыть поляризацию взглядов на развитие общества, отчет-

ливо выражаемую лексическими средствами, а именно противопоставлением прежде всего *аппаратной* и *демократической* характеристик одним и тем же явлениям, срав.:

аппаратная	→ денационализация	← демократическая
аппаратное	→ разгосударствление	← демократическое
аппаратный	→ подход	← демократический
аппаратный	→ вариант	← демократический
аппаратная	→ дефедерализация	← демократическая
аппаратная	→ идея	← демократическая

и т.д. Такой же прием понятийно-лексической поляризации используется составителем "манифеста" для разграничения подходов к перестройке — как его понимает, по мнению Г.Х.Попова, *аппарат* — с одной стороны и *демократия* — с другой. ("Совершенно однозначно выделяются два полярных, узловых варианта: *аппаратный* и *демократический*"). Для этого вводятся понятия *аппаратного* и *демократического* вариантов перестройки, которые должны были создать представление о двух разных направлениях общественного развития и, что не менее важно, об их непримиримости друг по отношению к другу. В целях экономии места представляем здесь признаки лексико-семантической поляризации этих вариантов, выделив лишь наиболее выразительные:

аппаратный вариант

демократический вариант

А. Эксплицитные поляризации:

1. За ним стоит <i>руководящая бюрократия и силы теневой экономики</i>	1. <i>все остальные круги общества</i>
2. <i>преимущественное право стать предпринимателем дает себе (аппаратчики на старте будут иметь "фору")</i>	2. <i>на старт выходят все</i>
3. <i>взят крен в сторону ны-</i>	3. <i>ориентирован на массу боль-</i>

нешних монстров экономики
 4. Страна должна *здать* перемен
 5. исходит из убеждения, что *никто*, кроме аппарата, двигать перестройку не может
 6. призывает *перпеть* не-взгоды ради будущего рынка
 7. ориентирует миллионы людей на *пассивное ожидание*
 8. когда корабль пытаются спасти *только капитан и помощники*

ших предприятий
 4. темп перемен *максимально быстр*
 5. исходит из притока *качественно новых сил*
 6. дает работнику какой-то *доход*
 7. все талантливые силы народа *будут иметь шанс*
 8. когда на спасение корабля *вызвана вся команда*

Б. Эксплицитно-имплицитные поляризации:

9. заставит дать *аппарату* собственность *бесплатно*
 10. [*не отвечает*]
 11. не исключает *активные акции трудящихся*
 12. *сулит серьезные тяготы*
 13. предлагает *назначать* своими решениями *президентов* (и *смещать* тоже)
 14. [*нет их*]
 15. [*только аппарат*]

9. [*бесплатно дать народу*]
 10. больше отвечает *тенденции мирового развития*
 11. [*исключает*]
 12. [*не сулит*]
 13. [*не назначать, а избирать*]
 14. сила варианта - *массовость, активность, решимость*
 15. *любой гражданин должен иметь право...*

Если максимально освободить от синтаксиса представленные здесь эксплицитные поляризации, то получим более четкую для восприятия схему, срав. "аппаратные" и "демократические" антитезы, приближающиеся к слову или же минимально синтаксированные:

Группа А:

1. бюрократия (силы теневой экономики)

+ остальные

2. аппарат	↪ все
3. монстры (экономики)	↪ небольшие предприятия
4. ждать (перемен)	↪ быстро (иметь перемены)
5. никто (кроме аппарата)	↪ новые силы
6. терпеть	↪ дает доход
7. пассивное ожидание	↪ иметь шанс
8. капитан и помощники	↪ вся команда

Срав. также группу Б:

9. аппарату	↪ народу
10. [не отвечает]	↪ больше отвечает
11. акции (трудящихся)	↪ [исключает]
12. тяготы (сулит)	↪ [не сулит]
13. назначать	↪ [избирать]
14. [нет их]	↪ массовость и т.д.
15. (только) аппарат	↪ любой гражданин

Показательно при этом, что составитель "манифеста" в своих рассуждениях приходит в общем-то к тому, с чего начал: он выступал против партийного аппарата, а теперь ратует за новый демократический аппарат, за демократии, ставшие аппаратом (в "своих" республиках), за административную власть (ее укрепление), за очень сильный центр ("очень сильно пользующийся доверием всех демократов и всех республик центр") и под. Нетрудно заметить, что эти словосочетания-понятия стоят в одном ряду с теми, которые входят в парадигму аппаратный вариант.

В 1991 г., в самом его конце, в связи с устранением СССР советизмы были лишены той социальной основы и поддержки, которую они имели до того. Потеря КПСС власти и как результат этого - потеря монополии, монопольного права на единственность и единую для всего общества идеологию привела к тому, что уже в течение 1992 г. стала постепенно затухать частотность ранее самых употребительных ключевых слов и выражений советской системы.

Происходит это буквально на глазах. Все реже говорят и пи-

шут: коммунизм, марксизм-ленинизм, партия (имея в виду, как раньше, КПСС) - теперь при многопартийной системе обязательно следует поставить уточняющий адъектив, т.е. дающий ответ на вопрос "какая партия?" (народная партия, христианско-демократическая партия, коммунистическая партия и т.д.), целая серия "партлексики" (или лексической "партпарадигмы") - партработа, партработник, парторг, партактив, партбюро, партком, партсобрание, партконференция, парторганы, партгруппа, партвзносы, партучеба, партстаж и т.д., далее, обком, крайком, райком, горком и под. С деполитизацией общества исчезают и слова типа политучеба, политработа, политработник, политруководитель, политинформация, политкружок и проч. "Потускнели" и слова, заполнявшие газетные полосы многие десятилетия: коллектив, коллективист, коллективистский, общественник и т.д. и т.п. Распад единой молодежной организации - комсомола (Коммунистический Союз молодежи) привел к снижению, а затем и архаизации слов комсомол, комсомолец, комсомолка, комсомольский, комсорг, далее - пионер, пионерка, пионерлагерь, пионервожатый, пионердружина и десятки подобных. Исчезает слово октябрятка.

С очевидным процессом снижения частотности таких слов становится возможным прогнозировать, что со временем они станут историзмами - точно так же, как это было с лексикой ("собственно русизмами"), отражавшей специфику дореволюционной России и теперь в значительной своей части возвращающейся. Однако процесс этот весьма сложен, неоднозначен и нередко противоречив.

Обратимся еще к одной лексической парадигме - административно-территориальной. До революции 1917 г. в России функционировала весьма четкая система административного деления и управления и соответствующая ей система терминологических обозначений. Так, территория страны делилась на губернии - основные

административно-территориальные единицы, которые существовали в России с начала XVIII в. (некоторые, в основном окраинные, территории, имевшие особое управление, назывались также *областями*). Далее шли единицы, входящие в губернию, — *уезд*, а в этот последний входила *волость*. В СССР в 1929–1930 гг. этим административно-территориальным единицам дали новые наименования: вместо *губерний* стали только *области* и *края*, вместо *уездов* — *районы*, а вместо *волостей* — *сельсоветы* (= *сельские советы*).

Смена в этой лексической парадигме коснулась наименования лиц и учреждений, управляющих этими единицами. Ныне мы наблюдаем уже не смену (или замену), а, с одной стороны, возвращение части наименований, с другой — введение совершенно новых (в этой своей части — это как бы процесс "новой советизации, демосоветизации"). Причем, происходит это непоследовательно, несистемно, в ряде случаев поспешно, а если судить по свидетельству печати, радио и телевидения, и повсеместно.

Новые демократические власти России ввели в самые крупные административно-территориальные единицы — *области* и *края* — новую должность, назвав ее *глава (областной, краевой, местной) администрации, глава исполнительной власти*, вслед за этим появились и *заместитель главы...*, и даже *первый заместитель главы...* и т.д.

Совершенно очевидно, что эти чрезмерно распространенные нетерминологические наименования неудачны во многих отношениях, ибо требуют большой траты времени и усилий для произнесения и написания, потому нередко их, только что возникших, тут же сокращают до *глава, заместитель главы (замглавы)* либо просто предлагают вместо них использовать дореволюционные наименования — речь идет о слове *губернатор*.

Тенденция "возвратить" губернаторов вместе с губерниями, естественно, на их законное место, как кажется, "набирает скорость", хотя все еще (вероятно, под давлением уже включенного в законы, указы и постановления наименования глава администрации) в печати губернаторы идут наравне с главами администрации, срав.: название статьи "Воронежский губернатор сознательно пошел на нарушение законодательства" и тут же в тексте в основном глава администрации: Отменив одно из постановлений главы администрации, облсуд принял заявление к рассмотрению и известил губернатора (из газет).

Изменение языковых знаков интересующей нас сферы произвел узкий круг московской демократической элиты, причем сделано это было в спешке, с большой непоследовательностью и без обсуждения с народом. Вот некоторые примеры того, как это выглядело в самом начале: Поэтому надо предусмотреть прямые альтернативные выборы населением руководителей исполнительной власти — мэров (старост) сел и городов, губернаторов (комиссаров) районов и областей. Видимо, пока что выборы президентов республик и президента страны можно поручить Верховным Советам и съездам. Но эти президенты нужны. Без сильной и самостоятельной исполнительной власти нельзя создать эффективную политическую систему (Г. Попов, *Огонек* 1989:50, 5); и сразу же начать борьбу за новую Конституцию СССР и РСФСР, за новые прямые выборы населением по спискам политических партий как депутатов законодательных органов, так и руководителей исполнительных органов — президентов, губернаторов, мэров, старост (он же, там же, с. 6); Но время шло. Москва обзаводилась новыми властями и структурами — мэрия, московское городское собрание, департамент мэра, правительство Москвы, административные округа вместо районов, префектуры, министры... Какие звонкие все названия!... Кто в

данном случае блокирует мэра, вице-мэра, правительство Москвы? Однако генеральный директор считает, что условия, в которых вынужден работать мэр Москвы, блокируют деятельность мэрии (Союз 1991:51, 4); Впереди выборы глав местной исполнительной власти — мэров городов и, возможно, губернаторов краев и областей (Дем. Рос., 1991:19, 9); А при назначении мэра или губернатора сверху права местных выборных органов очень ограничены, а сам губернатор целиком зависит от тех, кто его назначал (Огонек, 1991:51, 6).

Из приведенного материала легко составить список вводимой номенклатуры. Но самое замечательное заключается в том, что здесь мы находим лишь намек на возрождение дореволюционных административных знаков, — их два: губернатор, староста, да и то у них есть "грозные" конкуренты — мэры и комиссары ... В основном здесь речь идет о смене знаков, в частности, советских на демократические, причем последние взяты, как правило, из "западного арсенала", срав.: мэр, мэрия, вице-мэр, президент, префектура, департамент мэра, срав. также (вероятно, кальки!) правительство города (правительство Москвы), административный округ. Вызывает особое недоумение наличие милитаризованной или, если вспомнить аналогии недавнего прошлого, революционной терминологии — пример пока, правда, один: комиссары (вместо губернаторы). Как это напоминает революционное и послереволюционное время!...

Вслед за президентами появились вице-президенты, активизировались и стали "нашими" премьер-министры или просто премьеры, созданы и конструкции типа вице-премьер-министры и, что, видимо, одно и то же, вице-премьеры, в том числе первые вице-премьеры (вторые вице-премьеры нам пока еще не попадались...). Советизм Верховный Совет начинает вытесняться интернациона-

лизмом парламент, а затем и Государственная дума, а председатель Верховного Совета – спикер и т.п.

Отношение к этой "новой старой волне" замене знаков в обществе неоднозначно. Многие избегают использовать вводимые единицы, нередко выражая при этом откровенный скепсис.

Между тем "обрубочно-короткое" мэр становится, например, – весьма модным и с помощью средств массовой информации успешно внедряется в массовое сознание. Вместе с мэром распространяются мэрии и даже теперь примэрии: Мэрия столицы вроде и ни при чем – что она может поделывать, если с дизельным топливом дело совсем плохо; У примэрии, правда, оговорка (отговорка?) есть – автобусный парк ей не подчиняется (Труд, 1992:173, 1).

Расшифровать последний термин – примэрия – сейчас пока трудно. Возможно, что он приравнивается либо близок к муниципалитету: При демократическом варианте местные муниципалитеты могут ставить вопрос о переизбрании губернатора или мэра, обращаясь к своим избирателям, так как эти же избиратели избрали и муниципалитет, и мэра (Огонек, 1990:51, 6).

Что касается термина мэр, то он уже начинает "обрастать" лексико-словообразовательными связями и тем самым претендовать на укрепление в системе современного русского языка, срав. субстантивные образования с суффиксом -ств(о), адъективные – с суффиксом -ск-: Я считаю, что "президентство", "мэрство" и т.д. должны быть вообще отменены и восстановлено трудовое избирательное право и местное самоуправление (Рус. вестн. В, 1992:15, 2); И тут еще собрался бежать с мэрской должности Попов... (Лит. Рос., 1991:52, 4). Срав. также стилистическое обыгрывание адъективной формы в примере: мэрское = мерзкое лицо петербургской демократии (из газ.).

Составит ли этому заемному слову конкуренцию исконно русс-

кое *городничий* "начальник города" (термин употреблялся в России до середины XIX века) или *голова* (*городской голова*), сказать трудно.

Возвращаются либо вводятся и другие административные термины типа, например, *департамент*: *правовой департамент Министерства иностранных дел России* (из газ.).

Таким образом, представленный здесь материал – административно-территориальная номенклатура – следует рассматривать, как новый виток в функционировании этой лексической парадигмы, причем виток этот весьма противоречивый, поскольку лишь небольшая часть терминов возвращается из дореволюционных лет (*губернатор*, но не *губерния*), лишь несколько административных советизмов устраняется (пока остаются *области*, *районы*, *сельсоветы*). Устранение советизмов проходит в основном за счет введения терминов западного образца либо калек по западному образцу, что ведет в конечном счете к генетической гетерогенности всего состава этой лексической парадигмы.

Разумеется, мы смогли здесь показать лишь некоторые из существенных сторон процесса лексической десоветизации, который ныне все еще переживает русский язык. Но и то, что мы зафиксировали, дает возможность сделать ряд интересных выводов.

Прежде всего обнаруживается, что лексическая десоветизация – это процесс смены целых лексических парадигм, коррелирующих с соответствующими социальными сферами. Внутри таких парадигм проходят сложные процессы в виде смены языковых знаков при сохранении соответствующих референтов либо утраты языковых знаков вместе с утратой их референтов. В целом *советизмы* уступают, с одной стороны, место *десоветизмам*, с другой – так наз. *постсоветизмам*, в большинстве своем носящих явно окцидентальное происхождение, в результате чего формируется генетически

достаточно гетерогенная лексическая парадигма. При этом под давлением средств массовой информации такие разнородные подсистемы внедряются в сознание носителей языка независимо от того, отвечают ли они, эти подсистемы, историческим традициям и психологии народа.

Не менее существенны и моменты внешнего характера. Нетрудно заметить, что как советизация, так и десоветизация словаря (и "малого синтаксиса", т.е. сочетаний) русского языка проводилась стремительно, т.е. революционным способом, за небольшой промежуток времени. Инициаторами этих процессов оказались в обоих случаях узкие социальные элиты, ставшие у власти и культивирующие ту или иную тотальную идеологию, а отсюда высокая степень директивности ее лексического (и вообще языкового) оформления.